

СМЫСЛ ЖИЗНИ ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ

*Работа представлена кафедрой философии
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Т. В. Науменко*

Восприятие смерти является одной из вечных проблем философии. А одной из ключевых составляющих этой проблемы является вопрос о том, как влияет восприятие смерти, сама ее идея на жизнь людей, как трансформирует сознание и мир человека. Принято считать, что постоянно присутствующая на периферии сознания мысль о смерти действует на человека положительно, делает его жизнь более осмысленной, дает возможность радоваться ей. В статье мы стараемся внимательнее взглянуть на этот феномен, разобраться в его причинах и понять: на самом ли деле так велика роль мыслей о смерти.

Ключевые слова: *смерть, философия смерти, экзистенциализм, страх смерти, смысл жизни.*

S. Povarnitsyn

MEANING OF LIFE IN THE FACE OF DEATH

Perception of death is one of philosophy's eternal problems. One of its key components is a question how the perception of death, the very idea of it change people's lives, how it transforms man's consciousness and the world in general. A thought about death constantly present at the edge of consciousness is considered to have a positive effect on a human, making his/her life more meaningful and giving the ability to enjoy it. The author of the article tries to examine closely this phenomenon, to identify its causes and to understand if a thought about death actually plays such an important role.

Key words: *death, philosophy of death, existentialism, fear of death, meaning of life.*

Одним из основных вопросов, к обсуждению которого вновь и вновь возвращаются в контексте размышлений о восприятии смерти, является вопрос о том, обладала ли

бы жизнь смыслом, если бы она была бесконечной. Г. Л. Тульчинский считает, что «сама мысль об индивидуальном бессмертии человека просто несовместима с идеей смысла жизни... Поступки бессмертного существа, имеющего "достаточное время" в будущем (да и имевшего его в прошлом) для своего совершенствования, не могут подпадать под оценки с позиций добра, гуманности и т. д. Его существование лишено ценностей, идеалов, ответственности, оно внеморально» [5, с. 393]. К противоположному мнению склонялся И. Ялом [6], отмечавший, что, возможно, если бы жизнь была бесконечной, она все равно имела бы смысл, каждый момент этой жизни был бы насыщен смыслом, можно было бы ценить и осмысливать то, что есть, то, что происходит здесь и сейчас. Косвенно поддерживают точку зрения Ялома эмпирические данные работы с тестом смысложизненных ориентаций [2].

Принято считать, что столкновение с опытом смерти может стать тем толчком, который влияет на жизнь до смерти, перестраивает взгляды человека на существование. Опыт близкой смерти, непосредственного ощущения близости границы, нашел многообразное преломление в литературе и кино, в сюжетах о том, как меняется жизнь человека от осознания того, что ему отмерено совсем немного. Какие же есть подходы к пониманию этого явления?

Говоря об этом феномене, можно было бы в качестве аргумента указывать на то, что людям, пережившим близость смерти, свойственно бывает вдруг как бы с особенной остротой ощущать жизнь. Человек, стоявший на пороге гибели, но в итоге ее избежавший, после этого начинает ценить каждую отпущенную ему минуту, по крайней мере, на какое-то время.

Существует ряд исследований на тему изменения восприятия жизни перед угрозой смерти (см., например: [3; 4, с. 113–118]). И хотя они и не демонстрируют прямого роста осмысленности жизни, все-таки отмечают некоторые изменения, которые можно было бы принять в качестве такового.

Размышляя о различных аспектах восприятия смерти, американский психотера-

певт Ирвин Ялом пишет: «В 1926 году Мартин Хайдеггер изучал вопрос о том, от чего идея смерти оберегает человека, и у него состоялся важный инсайт: сознание предстоящей личной смерти побуждает нас к переходу на более высокий модус существования. Хайдеггер считал, что имеются два фундаментальных модуса существования в мире: 1) состояние забвения бытия, 2) состояние сознания бытия» [6]. Хайдеггер различал два способа бытия: в одном человек живет как бы рефлекторно, воспроизводит полученные извне модели поведения и не склонен рефлексировать и ощущать собственное существование, а в другом, соответственно, склонен. Второй модус Хайдеггер считает «аутентичным» модусом бытия, более высокой ступенью развития личности. Какое отношение ко всему этому имеет смерть? Ирвин Ялом отвечает: «Хайдеггер отдавал себе отчет, что просто благодаря раздумьям, стойкости и "скрежету зубовному" не перейти из состояния забвения бытия в более просветленное и беспокойное состояние сознания бытия. Нужны какие-то неотвратимые и непоправимые обстоятельства, определенный "экстремальный" опыт, который "вытряхивает", "вырывает" человека из повседневного модуса существования в состояние сознания бытия. В качестве такого опыта (Ясперс имел в виду то же самое, говоря о "пограничных" или "предельных" состояниях) смерть превосходит все остальное: смерть есть условие, дающее нам возможность жить аутентичной жизнью» [6].

У нас есть ряд возражений против такой абсолютизации роли смерти. Так, если мы примем идею Ясперса о «пограничных» состояниях, то нам кажется верным не сводить эти состояния только лишь к близости смерти. Нам кажется, что подобным состоянием можно было бы так же назвать, например, состояние влюбленности, при котором резкий эмоциональный всплеск заставляет человека с необычайной силой ощутить жизнь. Влюбленный человек вдруг начинает замечать пение птиц, наслаждаться каждым глотком воздуха и т. д. Сходный эффект может

иметь так же освобождение из тюрьмы, выздоровление от сильной болезни или какое-то важное достижение. Этот эффект кажется нам похожим на то, как человек с необычайной силой ощущает вкус привычных блюд, если он провел некоторое время в состоянии сильного голода. Таким образом, мы считаем возможным признать, что мощные переживания (причем, не только негативные!) способны актуализировать жажду жизни.

Но, во-первых, было бы ошибкой полагать близость смерти единственным таким переживанием, хотя она и является одним из сильнейших возможных способов выйти из неосознанного бытия. А во-вторых, мы не вполне согласны с Яломом, когда он, цитируя Хайдеггера, заявляет, что переход из одного модуса в другой невозможен без потрясений. Сложность здесь вызывает хотя бы само определение потрясений, потому как мы допускаем, что это будет настолько субъективным параметром, что нет смысла основывать на этом какую-то общую теорию. Для кого-то потрясением будет близость смерти, а для кого-то, возможно, потеря работы, или физическая травма, или просто человек вдруг на секунду поднимет голову и посмотрит на облака.

Кардиореаниматолог Алексей Самохин всегда интересовался вопросами, связанными со смертью и ее восприятием людьми. Во время своей практики в одной из больниц Москвы он собирал своего рода коллекцию последних слов, которые пациенты произносили перед смертью [9]. И, вопреки ожиданиям экзистенциалистов, он обнаружил, что люди в последнем приближении к Танатосу не становятся вдруг образцами духовности, а заботят их вещи достаточно банальные и местами даже низкие, как например в случае с человеком, чье сердце начало отказывать ему из-за того, что он, решившись отомстить жене за измену, задался целью переспать с сотней женщин, и единственное, о чем он сожалел перед смертью – что он не успел выполнить поставленную задачу.

Мы полагаем, что жизнь каждого человека изобилует такими событиями, которые

могли бы «пробудить» его от сна неосознанного существования. И наряду с тем, как можно наверняка найти примеры довольно незначительных, казалось бы, событий, приводящих кого-то к этой внутренней революции, точно так же мы считаем возможным предположить, что есть примеры людей, которых близость к смерти не смогла сподвигнуть к подобному пробуждению.

И если мы примем возможность обоих этих вариантов, то нам не останется ничего другого, как признать, что «предельные» переживания могут являться не более чем помощниками на пути человека к осознанному, ответственному, прочувствованному бытию, но никто не освободит его от необходимости самому проходить этот путь.

Итак, в рассуждениях о смерти можно встретить такую точку зрения: значимость смерти в том, что *только* перед ее лицом человек получает возможность обрести смысл жизни, через близость смерти, и *только* через нее, актуализируется тяга к жизни. Подобная позиция, несмотря на ее распространенность, кажется нам ошибочной.

Так, известный русский биолог И. И. Мечников, размышлявший о возможности «воспитания инстинкта естественной смерти», писал о Л. Н. Толстом: «Когда Толстой, терзаемый невозможностью решить эту задачу и преследуемый страхом смерти, спросил себя, не может ли семейная любовь успокоить его душу, он тотчас увидел, что это – напрасная надежда. К чему, спрашивал он себя, воспитывать детей, которые вскоре очутятся в таком же критическом состоянии, как и их отец? Зачем же им жить? Зачем мне любить их, растить и блюсти их? Для того же отчаяния, которое во мне, или для тупоумия? Любя их, я не могу скрывать от них истины, всякий шаг ведет их к познанию этой истины. А истина – смерть» (цит. по: [10]).

На эту тему Ясперс пишет: «В своей пограничной ситуации экзистенция отчаивается в том, что ее существование и существование вообще имеет смысл и чего-то стоит. Она говорит себе: все преходяще; что значит радость жизни, если все гибнет!» [7, с. 552–564].

Таким образом, нам кажется, что было бы неверно абсолютизировать роль смерти. Возможно, некоторые склонны преувеличивать универсальность ее влияния на восприятие жизни. Впрочем, эта проблематика легко снимается более мягкими определениями – стоит лишь признать, что смерть – это просто *один из* факторов, могущих оказать влияние на восприятие жизни. Но даже вне зависимости от того, принимаем мы аргументы Хайдеггера как стопроцентно убедительные или нет, перед нами встает вопрос – в чем же глубинная природа этого механизма? Почему близость смерти может оказывать столь сильное действие на людей?

Попробуем разобраться, чем может быть вызвана подобная реакция на близость смерти. Итак, у людей начинает структурироваться мировоззрение в духе известного закона Клапареда: осознание возникает, когда мы наталкиваемся на препятствие [8, с. 67, 68]. Соответственно, осознание, осмысление жизни в целом также катализируют ситуации, заставляющие нас осознать, что жизни что-то угрожает, может ее в любой момент прервать. По нашему мнению, в основе этого лежит тот же психологический феномен, который стал основой для старой русской поговорки «что имеем – не храним, потерявши – плачем». И действительно, не только в случае со смертью можно встретить такую модель восприятия. Ничуть не реже это можно наблюдать в отношениях между мужчиной и женщиной, чаще всего – уже устоявшихся, когда страсть между партнерами давно остыла, и даже влечения как такового почти не осталось, но они продолжают быть вместе по привычке или из страха остаться в одиночестве. В таких ситуациях появление кого-то третьего, угрозы для казало бы не слишком-то и необходимого союза, часто вдруг стимулирует вспышку чувств в партнере, который осознает возможность утраты. Он начинает гораздо больше усилий прикладывать для сохранения союза, гораздо значимее видится ему присутствие в жизни своей второй половины.

Что лежит в основе этих резких изменений восприятия? По нашему мнению, можно было бы выделить несколько возможных причины. Одна, достаточно неприятная, будет заключаться в действии простой человеческой жадности, того, что принято называть поведением «собаки на сене», когда действительно важным является не сохранение союза, а предотвращение потери. Собственнический инстинкт хватать то, что убегает от тебя, может создать иллюзию вспышки любви, будь то любовь к партнеру или к жизни как таковой.

Другой причиной, психоаналитического толка, могла бы стать некоторая особенность личности «теряющего», которая не позволяет ему в полной мере наслаждаться тем, что он «имеет». Представим, что у человека в «нормальной» ситуации есть внутренние причины, бессознательные блоки против того, чтоб ощущать всю силу привязанности к другому ли человеку, к жизни ли в целом. Важным здесь является тот нюанс, что на глубинном уровне эта привязанность существует, она очень значима, но переживание и, тем более, проявление этой привязанности ограничено бессознательными страхами какого-либо рода. Примером такого страха может быть негативный опыт в близости с кем-то, при котором человек не боялся еще быть открыто включенным в эту близость, но в итоге отношения между людьми прекратились, причем болезненно. Незавершенное переживание этой ситуации может оставить свой отпечаток на всей дальнейшей жизни, приводя как раз к страху открытой включенности.

Но, повторим, все эти механизмы защиты могут действовать только в «нормальное» время, когда не существует сколь-нибудь серьезной угрозы для утраты безотчетно значимого объекта, или, по крайней мере, такая угроза не осознается человеком в достаточной степени. Тогда, стоит произойти кризисной ситуации, создающей или актуализирующей подобную угрозу, как более мощные механизмы привязанности, до того момента подавленные, актуализируются, а защитные механизмы, предохраняющие, по сути, от

возможной утраты, временно теряют смысл, потому что если утрата становится так близка, то более нет уже необходимости исподволь переживать страх этой утраты – вот она, совсем рядом. В такой ситуации человек вдруг становится способен ощутить полную силу любви к другому человеку или собственной жизни. Эта же логика будет объяснять то, как часто люди осознают «подлинную» ценность другого человека только после его ухода.

Примерно об этом же пишет экзистенциалист Камю в своей повести «Падение»: «Заметили вы, что только смерть пробуждает наши чувства? Как горячо мы любим друзей, которых отняла у нас смерть. Верно? Как мы восхищаемся нашими учителями, которые уже не могут говорить, ибо у них в рот набилась земля. Без тени принуждения мы их восхваляем, а может быть, они всю жизнь ждали от нас хвалебного слова. И знаете, почему мы всегда более справедливы и более великодушны к умершим? Причина очень проста. Мы не связаны обязательствами по отношению к ним. Они не стесняют нашей свободы.» [1, с. 277–334].

Говоря о свободе, которую больше не стесняют умершие, Камю по сути очень близок к предлагаемому нами понятию бессознательных страхов, которые мешают нам чувствовать всю силу привязанности к людям. Ведь чем иным, кроме страха, можно объяснить это ощущение – что близкие лишают нас свободы? Ведь не в буквальном же смысле нам не позволяют делать или говорить что-то, мы сами выступаем для себя самыми строгими цензорами, стремясь не поставить под удар значимые для нас отношения.

В основе первой указанной нами причины может, по нашему мнению, лежать механизм, описанный во втором случае. Но мы не беремся утверждать, что во всех случаях то, что кажется жадным эгоизмом собственничества, будет на самом деле подавленным страхом потерять нечто значимое. По нашему мнению, в основе некоторых отношений между людьми не стоит искать вовсе никакой любви, а только лишь действие подобно-

го эгоизма, и мы позволяем себе экстраполировать эту возможность на любовь человека к жизни.

Можно аналогичным образом рассмотреть пример ситуации, в которой неизлечимый больной, которому врачи с уверенностью заявляют о небольшом сроке, оставшемся ему на земле, начинает вдруг проявлять удивительную активность, до той поры для него не характерную: начинает путешествовать, писать стихи, говорить людям то, что давно собирался. Эта модель поведения, как нам кажется, так же вписывается в логику действия подавленных страхов. Человек во время своей «нормальной» жизни по каким-либо причинам не ощущал за собой права делать то, что ему хочется. Он существовал в некоторой давно устоявшейся колее, боясь выйти за ее пределы, боясь исследовать собственные желания и возможности, стараясь беречь себя для будущего или просто не решаясь открыто заявить себя миру. Человек в таком случае склонен жить не собственными желаниями, а тем, что он, по своим собственным ощущением, *должен* делать в жизни. По нашим личным наблюдениям, такая проблема, в той или иной мере, свойственна по крайней мере очень многим людям, если не всем вообще. И тогда вполне логичным кажется то, что когда человек понимает, что беречь себя уже незачем, начинает ощущать себя по сути уже утраченным для мира тех, кому он был *должен* жить свою предыдущую жизнь, он вдруг позволяет себе отдаться всему тому великолепию фантазии и энергии, которые до той поры были сокрыты в нем.

Другим аспектом феномена всплеска любви к жизни перед лицом смерти могут являться еще и просто психологические механизмы, отвечающие за восприятие в ситуациях сравнения. Сталкиваясь с угрозой потерять нечто мы бываем склонны преувеличивать его ценность. Когда мы боимся, нам кажется, что единственное, что нужно для счастья – это здоровье. Когда мы голодны – еда видится нам самым важным. Возможно, так же происходит и с ощущением близости конца жизни, когда мы начинаем ощущать

жизнь как нечто более ценное, чем мы привыкли думать.

Если принять такие объяснительные модели для описываемого феномена вдруг пробуждающейся перед лицом смерти страсти к жизни, то надо, по нашему мнению, признать эту страсть скорее уделом тех, кто не любит жизнь на самом деле, или, в лучшем случае, не умеет любить ее в отсутствие какой-либо угрозы.

Еще один важный, по нашему мнению, вопрос в этой связи: должны ли мы вслед за Хайдеггером говорить о том, что раскрытие своего бытия есть обязательная и безусловная цель для всякого человека? Следует ли нам безоговорочно принимать подобную телеологию духовного развития человека? У нас нет ответа на этот вопрос, есть лишь сомнения в однозначном «да».

Так, разные ценностные ориентации могут дать нам разные трактовки этой проблематики. Если мы принимаем за терминальную ценность осознанное и отрефлексированное бытие – то ответ самоочевиден. Но если, к примеру, мы решим принять высшей ценностью радость жизни, пусть и с некоторым налетом гедонизма? В таком случае, перед нами встает следующий вопрос: всегда ли человек, перейдя на более высокий модус бытия, станет получать от жизни больше удовольствия? Можем ли мы допустить, что нахождение в модусе *Das Man* может принести человеку много простой радости, в то время как переход к осознанию бытия принесет постоянную фрустрацию сомнений и вечную пытку рефлексии? Если принять во внимание пресловутое «горе от ума», то ответ на этот вопрос становится, по нашему мнению, по крайней мере неоднозначным. А следовательно, можно поставить под сомнение и постулирование перехода к более высокому модусу бытия как безусловной всеобщей цели.

Так же, на наш взгляд, стоит обратить внимание на вопрос о том, насколько продолжительны могут быть изменения, происходящие в человеке в связи с «пограничным состоянием». Идеалистическая картина, ко-

торую бы хотели нарисовать философы-экзистенциалисты, наверняка подразумевала бы необратимость подобных изменений, предполагалось бы, что раз почувствовав вкус жизни в подлинном модусе бытия человек уже никогда не вернется назад. Так ли это на самом деле?

Во-первых, мы считаем, что если человек по какой-то причине раньше не пребывал в подлинном модусе, то эта причина совсем не обязательно будет полностью устранена в процессе переживания пограничной ситуации, хотя и отрицать такую возможность мы не станем.

Во-вторых, данные конкретных исследований (дать ссылку на тед) свидетельствуют о том, что значимость какого-либо события для мироощущения человека является действительно высокой на протяжении всего лишь нескольких месяцев. Вслед за Марком Твенном, не стремясь полностью полагаться на статистику, мы все же считаем наличие таких результатов исследований достаточной базой для того, чтобы хотя бы сделать предположение о том, что такое возможно. Таким образом, мы не беремся с уверенностью утверждать, что любые события оказывают только краткосрочное влияние на человека, но мы считаем, что мы вправе допускать, что это так.

Но если мы соединим эти два предположения, то это значило бы, что не исключено, что через какое-то время после произошедшего события человек имеет все шансы снова вернуться к своему *Das Man*. Как ни горько было бы для романтических натур признать такой сценарий вероятным, мы все же считаем, что нахождение в подлинном модусе бытия – это постоянный процесс, требующий напряжения душевных сил человека, и влияние на его результат внешних событий хоть и может быть довольно заметным, все-таки не может считаться единственно возможным. А это снова приводит нас к мысли о том, что значимость переживаний по поводу смерти несколько преувеличена.

Мы не утверждаем, что духовное пробуждение перед лицом смерти невозможно.

Но одной из причин убежденности в этом может, по нашему мнению, являться просто последовательно воспроизводимый социальный сценарий подобного пробуждения. Своего рода самосбывающееся пророчество – люди вроде бы *знают*, что перед лицом смерти происходят мощные психологические процессы, а потому сами старательно идут к этой цели, когда чувствуют приближение кончины. Еще раз повторимся, что мы не у-

верждаем это как единственную причину рассматриваемого явления, а только допускаем, что наряду с подлинным экзистенциальным переживанием возможно встретить и более прозаические феномены, которые как раз вполне вписывались бы в Хайдеггеровский *Das Man*. *Das Man* знают, что перед смертью положено обращаться к размышлениям о Боге и начинать вдруг особенно остро ощущать жизнь – и *Das Man* делают это.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Камю А. Избранное. М., Радуга, 1988.
2. Леонтьев Д. А. Тест смысло-жизненных ориентаций. М.: Смысл, 1992.
3. Леонтьев Д. А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
4. Попогребский А. П. Влияние инфаркта миокарда на смысловую сферу человека // Психол. журн. 1998. № 5. Т. 19.
5. Тульчинский Г. Л. Танатология // Проективный философский словарь: новые термины и понятия / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. СПб.: Алетейя, 2003.
6. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1999.
7. Ясперс К. Философия. Гейдельберг. 1-е изд. 1931. Перевод по: 2-е изд. 1948. Цит. по: URL: <http://elenakosilova.narod.ru/studia/jsmord.htm>
8. Claparede Ed. La conscience de la ressemblance et la difference chez l'enfant // Archive de Psychologie, 1918, vol. XVII, N 65. Цит. по: URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/psihologic/615>
9. URL: <http://angstboy.livejournal.com/5580.html>
10. URL: http://lit.lib.ru/z/zima_a_m/text_0050.shtml

REFERENCES

1. Camus A. Izbrannoye. M., Raduga, 1988.
2. Leont'yev D. A. Test smyslozhiznennykh oriyentatsiy. M.: Smysl, 1992.
3. Leont'yev D. A. Psikhologiya smysla. M.: Smysl, 1999.
4. Popogrebsky A. P. Vliyaniye infarkta miokarda na smyslovuyu sferu cheloveka // Psikhol. zhurn. 1998. N 5. T. 19.
5. Tul'chinsky G. L. Tanatologiya // Proektivny filosofskiy slovar': novye terminy i ponyatiya / pod red. G. L. Tul'chinskogo, M. N. Epshteyna. SPb.: Aletey'ya, 2003.
6. Yalom I. Ekzistentzial'naya psikhoterapiya. M.: Klass, 1999.
7. Yaspers K. Filosofiya. Geydel'berg. 1-e izd. 1931. Perevod po: 2-e izd. 1948. Tsit. po: URL: <http://elenakosilova.narod.ru/studia/jsmord.htm>
8. Claparede Ed. La conscience de la ressemblance et la difference chez l'enfant // Archive de Psychologie, 1918, vol. XVII, N 65. Tsit. po: URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/psihologic/615>
9. URL: <http://angstboy.livejournal.com/5580.html>
10. URL: http://lit.lib.ru/z/zima_a_m/text_0050.shtml